

Глава 1. Путь в тысячу ли

Девятнадцатый год правления Дау.

На оживлённых улицах Гуаньчжоу, в самом сердце провинции Тайянь, молодой человек в белоснежных одеждах — статный, с лицом, подобным чистейшему нефриту, — увлечённо беседовал с очаровательной девушкой. Та, в своём наряде цвета крыльев бабочки, то и дело заливалась звонким смехом, расцветая под его взглядом, точно весеннее солнце.

Гуаньчжоу не зря считался ключевым узлом империи: здесь сходились пути всех пяти регионов. Величественные терема с расписными балками и резными карнизами теснились друг к другу, ослепляя новичков своим великолепием.

Белолицый незнакомец с первого взгляда казался благородным небожителем, сошедшим с гор, однако манеры его выдавали натуру порочную и легкомысленную. Девушка, казалось, была совершенно им очарована, но стоило беседе затянуться, как мужчина, изящно лавируя словами, мягко отстранился. Она не обиделась — лишь позвала заходить ещё и, обменявшись любезностями, упорхнула в лавку своего отца.

Мужчина небрежно обмахнулся веером из чёрного дерева. Белоснежная лента в его волосах трепетала на ветру, пока он неспешно прогуливался по городу, любуясь видами. Встречая очередную красавицу, он щедро одарял её комплиментом или пылким взглядом. Если та встречала его холодным молчанием, он лишь подначивал её с безобидной дерзостью и, не настаивая, шёл дальше. Если же девица таяла от его речей, краснея до кончиков ушей, он тут же терял интерес, не доводя дело до конца.

В Гуаньчжоу едва ли нашлась бы знатная или просто пригожая особа, которой бы не коснулось его внимание. Однако наглеца терпели: он был почётным гостем и протееже самого Цзян Вэньчжоу, лингуаня Тайянь.

Звали этого повесу Янь Хуайлин.

Будь он уродлив или жалок, его выходки давно бы пресекли. Но Янь Хуайлин был ослепительно красив, и гнев горожанок неизменно утихал, стоило им лишь раз взглянуть в его ясные глаза.

Земли Дау делились на пять уделов: центральный Тайянь, западный Цзюньту, восточный Ваньлин, северный Янхуа и южный Чжибу. Высших чиновников, управлявших этими регионами, называли «лингуанями». Этот титул ввёл сам государь Ци Минцзюнь, страстный приверженец мистических учений, назвав должность в честь своего фаворита и мастера техник — Дуаньму Цюлина.

Стояла середина лета. Янь Хуайлин как раз присматривал себе новую «цель» среди прохожих, когда заметил слугу из поместья Цзян Вэньчжоу. Тот, запыхавшись, бежал к нему.

— Молодой господин Янь! Наконец-то я вас нашёл! — Слуга едва дышал под палящим солнцем.
— Господин лингуань велел вам немедленно вернуться. Есть срочное дело.

Янь Хуайлин прекрасно знал себе цену и понимал границы дозволенного. Цзян Вэньчжоу обычно смотрел на его интрижки сквозь пальцы, но если Янь задевал чувства дочери какого-нибудь влиятельного семейства, холодного выговора было не избежать. Судя по спешке слуги, кто-то из обиженных дам оказался не из простых.

Не раздумывая, Хуайлин последовал за провожатым. Однако в покоях лингуаня его не ждали ни разгневанные отцы, ни рыдающие невесты. Цзян Вэньчжоу в одиночестве сидел на невысоком помосте, глядя в окно и неспешно потягивая чай.

Янь Хуайлин почтительно поклонился:

— Лингуань?

Цзян Вэньчжоу медленно обернулся.

— Снова натворил дел?

Янь Хуайлин чуть склонил голову:

— Ваша проницательность, как всегда, не знает границ.

— Даже не пытаешься оправдаться?

Янь Хуайлин лучезарно улыбнулся. Он никогда не претендовал на святость, предпочитая оставаться честным в своих пороках, нежели корчить из себя добродетельного мужа ради пустой славы.

Лингуань Цзян знал характер своего гостя. Несмотря на репутацию распутника, Янь Хуайлин был полезен. В иерархии служащих при лингуане существовало три ранга: младшие — Шуйтин, средние — Юэин и элита — Золотые гвардейцы. И хотя Хуайлин официально не числился в корпусе Золотых гвардейцев, его боевое мастерство едва ли уступало их командиру, Цзян Сюньцзяню.

Пожалуй, Цзян Вэньчжоу ценил Хуайлина даже больше, чем Сюньцзяня. В ином доме это породило бы распри, но Цзян Сюньцзянь был человеком прямодушным и незлобивым. Он знал о странных пристрастиях Хуайлина, но понимал: в сердце того нет истинной подлости. Сюньцзянь был преданным щитом лингуаня, тогда как Хуайлин, скрываясь за маской праздного гуляки, действовал стремительно и беспощадно. Ему поручали самые опасные и грязные задания, которые он выполнял с пугающей эффективностью.

— Зачем вы звали меня, господин? — прямо спросил Янь Хуайлин.

Цзян Вэньчжоу не стал ходить вокруг да около:

— Слышал ли ты о «Трактате Пяти Светил»?

Янь Хуайлин на мгновение задумался, затем кивнул:

— Слышал.

Это был легендарный труд, составленный пятью величайшими врачами империи. Ходили слухи, что в трактате зашифрован рецепт долголетия: одна порция снадобья — и человек станет равен небесам и земле. Разумеется, это считалось лишь сказкой — трактат никто не видел в глаза. Из его создателей трое уже покинули этот мир: Чэнь Линцзюнь, Цянь Чэньцзюнь и Чу Сюйцзюнь. Двое оставшихся — Байлан-цзюнь и Еман-цзюнь — много лет жили затворниками. Найти их было почти невозможно.

— А знаешь ли ты, кто такой Хэйянь? — Цзян Вэньчжоу опасно прищурился.

Янь Хуайлин на мгновение изменился в лице, но тут же вернул себе привычную маску лукавства.

— Слышал. Хэйянь, знаменитый благородный вор. Говорят, он давно отошёл от дел.

— Так вот, — лингуань Цзян выпрямился. — Хэйянь украл свиток «Вечного долголетия» из этого трактата.

Янь Хуайлин невольно усмехнулся:

— Это лишь сплетни, господин. Не стоит принимать их близко к сердцу.

Существование самого трактата было под вопросом, не говоря уже о краже его ключевой части. Говорили, что труд состоит из шести томов: пять посвящены регионам, а последний, шестой — тот самый свиток «Вечного долголетия» — плод их общих тайных изысканий. Найти первые пять — всё равно что искать жемчужину в океане, а заполучить шестой — и вовсе за гранью реальности.

Цзян Вэньчжоу остался невозмутим. Он сделал глоток чая и после паузы произнёс:

— Эти слухи имеют под собой почву. Отправляйся в Ваньлин, к лингуаню Хуа Чжундао. — Он достал из рукава запечатанный бамбуковый тубус и протянул его Яню. — Проследи, чтобы он

лично прочёл это.

Хуайлину это показалось странным. Цзян Вэньчжоу никогда не действовал наобум. Если он решил отправить его в другой регион из-за какого-то слуха, значит, у него были веские причины.

Впрочем, Янь Хуайлин знал: лишние вопросы в этом доме не приветствуются. Он принял тубус, улыбнулся и, поклонившись, вышел.

Путешествия всегда были для Янь Хуайлина в радость. Красавицы Гуаньчжоу ему порядком наскучили, и перспектива сменить обстановку и найти новых спутниц казалась заманчивой.

Взяв подарок лингуаня — породистого коня, способного покрыть тысячу ли за день, — он отправился в путь. Хуайлин не спешил, превратив поездку в приятную прогулку, и лишь через семь дней достиг Муцюаня, резиденции Хуа Чжундао.

Муцюань разительно отличался от сурового Гуаньчжоу. Если столица Тайянь дышала имперским величием и буйством красок, то Муцюань, зажатый между морем и горами, был воплощением изящества и тишины. Город казался утончённым и прозрачным, словно отражение луны в воде.

Сгустились сумерки. Янь Хуайлин, ведя коня под уздцы, быстро разузнал дорогу к поместью лингуаня. Он не удержался от старой привычки и попытался заговорить с проходящей мимо грациозной незнакомкой. Но здешние девы были строги и сдержанны: завидев его ухмылку, девушка лишь ускорив шаг, скрылась за углом.

«Не Тайянь, совсем не Тайянь», — разочарованно подумал Хуайлин и решил больше не испытывать судьбу до утра.

На следующий день он явился в резиденцию. Убранство дома Хуа Чжундао поразило его своей чистотой и строгостью. Если поместье Цзян Вэньчжоу так и сочилось роскошью, то здесь царил осенняя прохлада. Даже одежда слуг подчёркивала холодный и отстранённый нрав хозяина.

В главном зале Хуайлина встретил сам Хуа Чжундао. Одетый в простое бирюзовое одеяние с едва заметным узором из цветов сливы на рукавах, он обладал лицом нежным, точно ясная луна. Его черты были настолько изящны, что он казался женственнее многих красавиц. Слухи не врал: лингуань Хуа действительно был ослепителен.

Но не он приковал к себе взгляд Хуайлина.

За спиной Хуа Чжундао неподвижно стоял мужчина. Высокий, атлетичного сложения, в чёрных как ночь одеждах. Его взгляд был острым, брови — словно мечи, а тонкие губы сжаты в холодную линию. Он казался воплощением безразличия и мощи. Этот человек, застывший в ожидании приказа, обладал той редкой статью, перед которой меркла любая женская красота.

Янь Хуайлин, считавший, что видел в жизни всё, замер. Красота женщин подобна лотосу в пруду — мимолётна и хрупка. Мужская же стать — это ветер в лесу, мощь океана, твёрдость скалы. Человек в чёрном словно впитал в себя всю силу гор и рек. Рядом с ним даже обманчиво-хрупкий Хуа Чжундао казался лишь бледной тенью.

Хуайлин догадался, что это Золотой гвардеец. Взгляд незнакомца был настолько прямым и ледяным, что Янь даже не сразу услышал, как лингуань Хуа обратился к нему.

— Господин Янь?

Хуайлин тряхнул головой, избавляясь от наваждения, и повернулся к хозяину дома.

— Слушаю вас, господин.

— Вы знаете, что в письме? — Хуа Чжундао усмехнулся.

— Нет. Я лишь гонец.

— Ваш патрон задал мне непростую задачку, — протянул лингуань Хуа. — Раз он решил поделиться этим с вами, то и мне скрывать нечего. Цзян Вэньчжоу одержим идеей заполнить «Трактат Пяти Светил».

Хуайлин промолчал. Это было ожидаемо. Ещё когда лингуань Цзян упомянул Хэйяня, стало ясно — дело в трактате.

— Лингуань Цзян пишет, что если я соглашусь на поиски, то могу распоряжаться вами как мне угодно.

— Слушаюсь, — лаконично ответил Хуайлин.

Он в очередной раз восхитился хитроумностью своего господина. Цзян Вэньчжоу не стал отдавать приказы лично, а отправил его за тысячи ли, чтобы проверить преданность и посмотреть, как он справится в чужих руках. Наверняка за каждым его шагом уже следили тайные осведомители.

— Вы на редкость покладисты, — Хуа Чжундао повернулся к человеку в чёрном. — Цзан Е, что думаешь?

— Моё мнение не заслуживает вашего внимания, — раздался низкий, глубокий голос, подобный удару храмового колокола.

Янь Хуайлин невольно вздрогнул.

Цзан Е. «Первый меч империи». Лучший из лингуаней-посланников Дау, человек, служивший самому государю Ци Минцзюню. Даже Дуаньму Цюлин когда-то считался с его силой. Хуайлин слышал, что великий мастер удалился от дел, но никак не ожидал встретить его здесь, в Муцюане, в роли телохранителя.

— И всё же говори, — Хуа Чжундао лениво махнул рукой.

Цзан Е помолчал мгновение и произнёс:

— Трактат — лишь легенда. Боюсь, поиски обернутся пустой тратой времени.

Хуа Чжундао улыбнулся ещё шире, но отвечать не стал. Он вновь перевёл взгляд на Янь Хуайлина.

— Господин Янь, а что если я откажусь? Выходит, вы зря проделали такой путь?

— Мне всё равно, — отозвался Хуайлин.

Его и впрямь мало заботило, договорятся ли лингуани. Гораздо больше его волновал слух о Хэйяне. Потому что Хэйянем — тем самым вором, наделавшим шуму несколько лет назад, — был он сам. Последние годы он вёл тихую жизнь, занимаясь «поисками прекрасного», и уж точно ничего не воровал.

Кто-то посмел использовать его имя, чтобы пустить по ложному следу сильных мира сего. И этот кто-то должен был заплатить.

Хуа Чжундао с интересом наблюдал за гостем. Янь Хуайлин был не похож на обычного слугу — в нём не было раболепия, лишь странная, весёлая отстранённость. Лингуань Хуа, будучи сам признанным красавцем, не мог не оценить внешность Яня. В какой-то момент он шутливо обратился к Цзан Е:

— Цзан Е, как тебе лицо нашего гостя?

Тот, не меняя ледяного выражения, внимательно посмотрел на Хуайлина и коротко ответил:

— В нём нет жажды крови.

Хуа Чжундао едва не расхохотался.

— Я спрашиваю, красив ли он?

Цзан Е промолчал.

Хуайлин едва сдержался, чтобы не поднять голову и не насладиться смущением этого сурового воина. Тот так явно излучал ауру непоколебимого спокойствия, что Яню до смерти захотелось его раззадорить. Красота, будь она мужской или женской, всегда была для него лишь вызовом.

Хуа Чжундао от души посмеялся над неловкостью своего гвардейца и снова обратился к гостю:

— Что ж, я мог бы отправить тебя восвояси. Но ты так долго ехал... Пожалуй, я соглашусь.

Цзан Е едва заметно нахмурился. Его господин был капризен, но редко поступал опрометчиво. Ввязываться в авантюру с призрачным трактатом было на него не похоже.

— Цзан Е, тебе не скучно вечно торчать подле меня? — Хуа Чжундао подпёр голову рукой. — Вот тебе отличный повод проветриться.

— Я не смею...

— Не смеешь? — перебил лингуань. — Или ты боишься, что я не смогу постоять за себя в твоё отсутствие?

Цзан Е промолчал, но по его виду было ясно: именно этого он и боится.

— Господин Янь, — внезапно сказал Хуа Чжундао, — не желаете ли немного размяться со мной?

Стоило этим словам слететь с губ лингуаня, как Цзан Е буквально пронзил Хуайлина взглядом. Тот почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Лингуань, я польщён вашим интересом, — усмехнулся Янь, — но боюсь, мне не суждено пережить эту забаву.

Хуа Чжундао взглянул на своего гвардейца:

— Цзан Е, когда я буду сражаться с господином Янем, тебе запрещено вмешиваться.

— Господин...

— Если ты хоть пальцем его тронешь, — отрезал лингуань Хуа, — можешь тут же заколоть себя собственным мечом.

Цзан Е склонил голову. Хуайлин мысленно поаплодировал: характер Хуа Чжундао явно не соответствовал его нежной внешности. Тот действовал непредсказуемо и смело.

По команде Цзан Е все слуги и гвардейцы покинули зал, оставив лишь пустую середину. Сам он отошёл к стене, оставаясь неподвижным, но Хуайлин кожей чувствовал исходящую от него угрозу. Один неверный жест в сторону лингуаня — и Цзан Е сокрушит его, не глядя на запреты.

Хуа Чжундао вышел на середину зала. У него не было оружия, что лишь подогрело интерес Хуайлина. Сам он привычным жестом раскрыл веер.

— Господин, прошу прощения за дерзость!

Едва фраза была закончена, Хуайлин сорвался с места. Он не просто побежал — он исчез, оставив после себя лишь колыхание воздуха.

Хуа Чжундао вздрогнул.

«Яньго Ухэнь»! Знаменитая техника легкости Тайянь — «След дикого гуся не остаётся».

Не успел лингуань осмыслить увиденное, как сверху обрушился мощный поток воздуха. Эта энергия была странной: мягкой по форме, но сокрушительной по сути. Хуа Чжундао едва успел отпрянуть в сторону, чувствуя, как пол под ногами вибрирует.

Цзан Е непроизвольно положил руку на рукоять меча. Этот изнеженный с виду гость обладал чудовищной силой.

Но атака тут же сменилась. Сокрушительный напор превратился в нечто вкрадчивое и текучее, точно весенний ветерок над тихой водой. Хуа Чжундао понял: в этой мягкости кроется ловушка. Он взмыл вверх, пытаясь разорвать дистанцию, и одновременно выбросил из рукавов каскад дротиков в форме цветов сливы. Стальной дождь должен был сокрушить любую защиту.

Однако в то же мгновение перед Хуайлином расцвели белые росчерки. Он перехватывал дротики прямо в воздухе с невероятной ловкостью. Хуа Чжундао попытался ударить внутренней силой, чтобы опрокинуть противника, но внезапно почувствовал, что на него катится стена мощи — необоримая, как горный обвал. В этот миг он почувствовал себя щепкой в бушующем море.

Он понял: бой проигран.

Цзан Е сделал шаг вперёд, готовый вмешаться, но всё закончилось мгновенно. Золотистая тень, напоминающая огромного гуся, на миг заслонила свет, а затем растаяла. Янь Хуайлин стоял на прежнем месте, обмахиваясь веером. Его улыбка была всё так же безмятежна.

Хуа Чжундао тяжело дышал, поправляя растрепавшиеся волосы. В его глазах теперь светилось искреннее уважение.

— Господин Янь, мастерство ваше... воистину безупречно.

Хуайлин действовал пугающе эффективно. Его удары лишали возможности ответить, точно он вырывал корни у дерева ещё до того, как противник успевал заметить замах. Лингуань Хуа понимал, что даже со всеми своими техниками он едва ли смог бы что-то противопоставить этой мощи. Та самая техника — «Хунъянь Линьмэнь» («Дикий гусь у порога») — могла бы превратить его в пыль, если бы Хуайлин не сдержал удар в последний момент.

Более того, Янь Хуайлин даже не запыхался. Сколько сил он использовал? Треть?

«Если бы с ним сошёлся Цзан Е, это была бы великая битва», — невольно подумал Хуа Чжундао. Даже его непобедимому гвардейцу пришлось бы несладко.

— Вы лишь проверяли меня перед важным делом, господин, — поклонился Янь Хуайлин. — Прошу простить мою прямоту.

В устах другого это прозвучало бы скромно, но в исполнении Хуайлина это было похоже на мягкую издёвку. Хуа Чжундао проглотил обиду и вернулся на своё место.

— Цзан Е, подойди.

— Я здесь.

— С завтрашнего дня ты и господин Янь отправляетесь в путь. Ваша цель — «Трактат Пяти Светил».

Так скоро?

Янь Хуайлин с тоской подумал о неисследованных красотах Муцюаня, а на лице Цзан Е отразилось редкое для него недоумение.

— Действуйте сообща, — продолжал Хуа Чжундао. — Слухи о трактате ещё не разошлись

широко, так что не привлекайте внимания.

— Слушаюсь, — легко ответил Хуайлин.

Цзан Е долго молчал, прежде чем кивнуть. Он явно не одобрял эту затею. Он привык к интригам при дворе императора, к чётким врагам и ясным приказам, а это задание казалось ему абсурдным.

— Цзан Е, — Хуа Чжундао знал нрав своего подчинённого. — Ты пойдёшь?

—...

— Если не пойдёшь ты, мне придётся отправиться самому.

— Господин...

— Это приказ.

—... Слушаюсь.

Преданность Цзан Е была неоспорима. Какими бы ни были его сомнения, он не мог ослушаться человека, которому поклялся в верности.

Янь Хуайлин внутренне вздохнул. Его хозяин в Тайянь затеял сложную игру, а Хуа Чжундао решил в неё включиться, не раздумывая. Поиск несуществующего трактата означал, что ему придётся тащиться через всю империю под присмотром этого ледяного мечника. Пустая трата времени.

Но потом он вспомнил, сколько красавиц ждёт его в других краях, и приободрился. Путешествие — это не только опасности, но и новые лица. К тому же, где-то там бродит наглец, выдающий себя за Хэйяня.

Янь Хуайлин не был праведником. Если ради дела нужно было убить — он убивал. И того, кто посмел украсть его славу, он не собирался миловать. В конце концов, настоящий вор всегда найдёт способ сократить путь, пока честные люди бредут по широкой дороге.